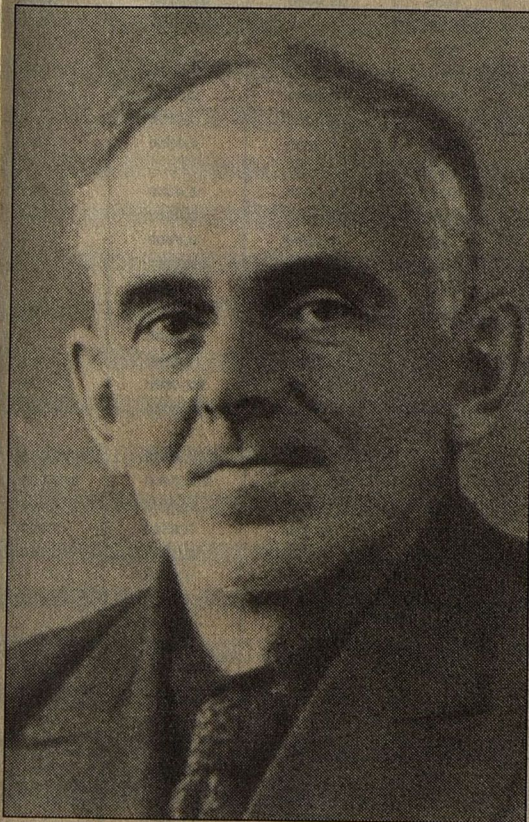

И от нас природа отступила

Коммерсантъ-daily. — 1997. — Ч. 1018. — с. 10

Вышел в свет четвертый том собрания сочинений Осипа Мандельштам

«Слава поэта в итоге зависит от горячности или апатии поколений безымянных людей, которые подвергают ее испытанию в тиши библиотек». Уверенное замечание Борхеса не касается, однако же, причин, по которым массовое увлечение тем или иным автором сменяется безразличием. Выходит, что общественное — или, лучше сказать, среднеинтеллигентское — сознание похоже на капризного ребенка: выпросив себе дорогую игрушку, он теряет к ней интерес. Получив наконец полный корпус текстов полузапретного автора, мы обнаруживаем, что читать его расхотелось.

Каждую книгу, вообще говоря, следует рассматривать как артефакт: утрировав эту идею, мы скажем, что цвет обложки, буквы, шрифты влияют на нас, может быть, только чуть слабее, чем высказанные автором соображения. И в любом случае являются значащими. Заглянув в конец тома, отыскав петит типографских данных, мы судим о состоянии умов современников. Бодрый детектив осиливает пятидесятистраничную планку, стихи молодого поэта утягивают на дно Леты и тоненькая пачка в пятьсот тетрадок. Интереснее всего, однако, наблюдать за тиражами классиков — но не школьных, а новых, становящихся.

Издание четырехтомного собрания сочинений Мандельштам тянулось не по-коммерчески долго, с 1993 по 1997 год. Тираж первого тома — десять тысяч, последнего — пять. Но даже более многозначительным, чем эта сползающая цифра, кажется название издательства, осуществившего проект: Арт-Бизнес-Центр. Архаика на самом деле невообразима — что-то из скоротечной и совсем уж выветрившейся кооперативной эпохи. И message этого названия ничуть не менее внятен, чем какого-нибудь «Гиперборея» или «Алконоста».

Как раз на рубеже 80-х и 90-х имя Мандельштам сделалось (или, точнее, хотелось сделать его) какой-то легальной культурной иконой. Довольно-таки скромное exegesis попункт — улица Мандельштам — было истолковано в либерально-шестидесятиническом, если не сказать вознесенско-евтушенском, духе слишком буквально: Мандельштам — наше все,

и все мы вышли из его клетчатого пиджака. Почва для усилий такого сорта была подготовлена блестящим повествовательным даром Надежды Мандельштам — в семидесятые годы ее книгами невозможно было не зачитываться, и, собственно, ее героическим интерпретациям поэзия Мандельштам обязана своей второй инкарнацией. Но никакого коллективного гения не бывает: максимум, на что были способны два десятка критиков, говоривших об одном, — это убедить общество в том, что имярек велик. Убедить — да, но сподвигнуть читать?

Четвертый том Мандельштам, вышедший только что и содержащий незначительные, во-

обще говоря, письма поэта, как-то и обозначил пройденный поворот. Если угодно — конец времени Мандельштам. Не как поэта — Боже сохрани, нет, — как символа. Это неизбежное и, может быть, маятниковое движение: от гипертрофированной славы к отдыху на периферии читательского интереса. За время нашей жизни маятник едва ли вернется. Амплитуда колебаний слишком велика — и мы не увидим этого возвращения, третьего пришествия. (Что-то мешает допустить, что в загробном мире мы сохраним интерес к земной поэзии и возможность не то чтоб воспринимать и понимать, а переживать слова и звуки.)

Если простительна несколько технократическая метафора, можно сказать, что всякие стихи рассчитаны под определенные нагрузки читательского внимания. Что-то прочнее, что-то хлипче: кое-какое чтение выдержит, пожалуй, и Щипачев. Мост, выстроенный Мандельштамом, крепок, конечно, и простоит еще. Просто сейчас по нему ходит не так уж много народу. Школьным классиком, повседневной потребностью многих, частью речи эта поэзия не является. Почему? Всякие причинно-следственные построения, когда дело касается литературных материй, неизбежно условны до смешного. Но все же, оставаясь не то чтоб в рамках, а хотя бы около говорливой поэтики Мандельштам, следует идти на риск высказывания.

«Ни иронии, ни слез, ни картинно-живописной мишуры: никаких симптомов разжижения воли. Экономия средств, то есть начало и конец мастерства, доведена до предела». В таких выражениях Георгий Адамович противопоставил Боратынского едва ли не всей поэзии двадцатого века. В силу ли упомянутых экскерманианских усилий Надежды Яковлевны Мандельштам или грандиозной политизированности русского искусства новейшего времени — но вот любопытствующий дилетант (а он и есть нормальный читатель) узнает Мандельштам как бы в обратном порядке: сначала трагические жизненные коллизии, затем позднюю поэзию и вычурную прозу — и сравнительно немногие добираются до ранних вещей. Лучших? Ну да, и, главное, еще почти лишенных симптомов позднейшей, советской беды, этого самого «разжижения воли».

Почти, но не вовсе лишенных. Знаменитые слова о «тоске по мировой культуре» вызывают какую-то тревогу, если не сказать протест. Тоска, в конце концов, бывает от отсутствия чего-то. И это «нечто», в данном случае традиционно-мифическую (для русской) «мировую» культуру, тоска и замещает. Конечно, управлять исторической ситуацией, в которой мы оказываемся по факту рождения в данной стране в данное время — не в нашей власти. Мандельштамовская тоска — это признание фатальной, неизбывной аморфности русской жизни, желание преодолеть вызванную ею же, бессмысленной и беспощадной аморфностью, собственную поэтику. Обрести мировую логику, избыть свою «русскость», перестать бормотать и бредить. Из этого исходя, можно сказать, что чем меньше людей понимает теперь Мандельштам, чем менее внимательно вчитывается в него следующее поколение, чем, в конце концов, менее он классик — тем лучше. Мы стали здоровей, и поухнула тоска. Русь как-то оструктурируется. Цивилизуется, что ли? И локальная, европейски-консервативная ясность Георгия Иванова нам становится ближе и дороже, может, и глобального, но темного, по-советски языческого мандельштамовского кода.

Так бы и окончить: за здоровье. На оптимистической. Дескать, вылечились. Но, глядя вслед уходящей популярности Мандельштам, выговорить это невозможно. «Кто может знать при слове „расставанье“, какая нам разлука предстоит?» Мандельштам был последним доверчивым русским поэтом: во мгле окружающей жизни он еще хотел различать первобытные знаки. Костерок еще горел. У обериутов действительность уже обрушилась, но они умели ходить по горячим углям. Все последующее — так или иначе либо минималистические, комнатные частности, либо искусные фокусы. Зола. Это неопасно, да и неинтересно: цивилизация — это скука, love it or leave it.

МИХАИЛ НОВИКОВ

О. Мандельштам. Собрание сочинений. Тт. 1-4. Москва, Арт-Бизнес-Центр, 1993-1997.

Мандельштам Осип Эмильевич 4.04.89.